

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И «ЦИКЛЫ» СБЛИЖЕНИЯ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ

В современных российско-американских отношениях можно заметить закономерность. Лидеры России и США каждые пять-шесть лет торжественно объявляли о похоронах наследия «холодной войны». Через несколько лет Москва и Вашингтон оказывались, однако, в состоянии нового военно-политического отчуждения. Российские и американские представители опять начинали переговоры о контроле над вооружениями и партнерстве, после чего цикл повторялся заново.

Эта тенденция просматривается и в начале 2010-х годов. Подобно своим предшественникам, президенты Б. Обама и Д.А. Медведев объявили о намерении преодолеть остатки недоверия и придать качественно новый характер российско-американским отношениям. Но после саммита в Вашингтоне (24 июня 2010 г.) среди экспертов обеих стран росло ощущение, что политика «перезагрузки» идет не так, как хотелось¹. Неудачные переговоры по проблеме противоракетной обороны (ПРО) летом 2011 г. породили тревожные прогнозы о том, что «перезагрузка» может снова перетечь в непонимание². Возникают вопросы: что задает цикличность российско-американским отношениям и можно ли прогнозировать, а в идеале и корректировать развитие этих циклов?

1

Понятие «цикл», происходящее от латинского слова «*circulus*» (окружность), означает круговое движение, осуществляемое определенной системой. В термини-

наике этим термином обозначается процесс, при котором физическая система, претерпев ряд изменений, возвращается в исходное состояние. В экономической теории циклами называют регулярные колебания уровня деловой активности от бума до дна. В международных отношениях под циклом, следовательно, можно понимать регулярное прохождение системами (в данном случае – российско-американскими отношениями) одинаковых фаз развития с возвращением в исходное или близкое к нему состояние.

В политической теории существует несколько объяснений цикличности российско-американских отношений. Первое представил американский историк Артур Шлезингер. Причину циклического характера взаимодействия России и США он видел в постоянных колебаниях американской элиты между стремлением к экспансии и изоляционизму³. Каждое новое поколение американских политиков делало карьеру на критике предшественников. Вот почему во внешнеполитической стратегии США каждые 15–20 лет преобладают то изоляционистские, то экспансионистские тенденции.

Вторая точка зрения содержится в литературе геополитического профиля. На базе немецких разработок XIX века⁴ «геополитики» представляют отношения России и США как соперничество континентальной и морской державы⁵. Континентальная – стремится установить контроль над евразийским побережьем и проецировать силу на морские державы. Морские же державы пытаются закре-

питься в прибрежных регионах Евразии и разукрупнить территорию оппонента. На этой основе геополитики выделили несколько циклов наступления СССР на прибрежные районы Евразии и отбрасывания СССР/России вглубь Евразии объединенной мощью США и стран Западной Европы⁶.

Третья точка зрения распространилась среди российских⁷ и американских⁸ экспертов либерального направления после 1991 года. Цикличность российско-американских отношений они увязывают со способностью (или неспособностью) России усваивать западные инновации. Модернизация страны на либерально-рыночной основе порождает цикл сближения. Отказ российской власти от либерального проекта, ее попытки противопоставить себя Соединенным Штатам, напротив, ведут к обострению двусторонних отношений.

Ни одна из приведенных выше точек зрения не выявляет природу циклов российско-американских отношений. Почему именно им, а не отношениям США с какой-либо другой страной присуща столь выраженная цикличность? Как объяснить, что Вашингтон, периодически критикуя Россию, не раз шел на партнерство с любыми авторитарными режимами, не задумываясь об их готовности к усвоению либеральных норм? Почему в разные годы американское общественное мнение по-разному относилось к советским и российским лидерам, игнорируя довольно глубокие политические перемены в Москве после распада СССР?

Возможно, циклический характер российско-американских отношений определяется характером эволюции системы ядерного сдерживания (nuclear deterrence). Понятие «сдерживание» представляет собой политику превентивных угроз применения ядерного оружия (ЯО) с целью побудить оппонента отказаться от каких-либо действий или, напротив, совершить их⁹. Для реализации такой политики СССР/Россия и США нацелили стратегические ядерные силы (СЯС) на стратегические объекты друг друга.

Во-первых, *ядерное оружие нуждается в обновлении каждые 15–20 лет.* В ходе этого процесса перед СССР/Россией и США возникает потребность в согласованном выводе из строя устаревших ядерных систем и запуске программ обновления СЯС.

Во-вторых, *поддержание взаимного ядерного сдерживания предполагает реалистичность (credibility – убедительность) имеющихся угроз.* Поэтому СССР/Россия и США регулярно подтверждали убедительность взаимных угроз за счет развития более совершенных систем нанесения разоружающего и обезглавливающего удара.

В-третьих, *взаимное ядерное сдерживание подталкивало СССР/Россию и США к демонстрации готовности применять силу.* Наилучшим вариантом для подобных демонстраций выступало участие сторон в региональных конфликтах.

В-четвертых, *СССР/Россия и Соединенные Штаты периодически оказывались на грани военного столкновения.* Кризисы побуждали стороны сесть за стол переговоров для разработки правил поведения в военно-стратегической сфере.

Циклы российско-американских отношений продолжались примерно 15–20 лет. Это – срок функционирования определенного поколения стратегических вооружений, на протяжении которого оно вводится в строй, находится на боевом дежурстве и исчерпывает свои ресурсы. Такой цикл взаимодействия проходил в своем развитии примерно пять этапов:

- создание новых правил взаимодействия в стратегической сфере;
- развитие программ модернизации стратегических потенциалов в рамках выработанных правил контроля над вооружениями;
- появление у одной и/или обеих сторон представлений о возможности достижения стратегического превосходства;
- наступление серьезного военно-политического кризиса вследствие эскалации одного из региональных конфликтов;
- возобновление контактов для начала переговоров о ревизии правил взаимодействия в стратегической сфере.

Кремль и Белый дом вступали в переговоры по контролю над вооружениями не в моменты максимального роста политической напряженности в мире, а в периоды модернизации стратегических потенциалов. Мир оказывался сопутствующим результатом подготовки к ведению войны на более высоком уровне.

2

Первый цикл советско-американских отношений (середина 1940-х – середина 1960-х годов) был временем становления системы взаимного ядерного сдерживания. Еще в ходе Второй мировой войны возникли стратегическая авиация, баллистические ракеты и атомное оружие (АО) – основа будущей стратегической триады (nuclear triad)¹⁰. Быстрое развитие средств поражения породило у части американской элиты стремление определить новые правила взаимодействия с СССР в стратегической сфере¹¹. Пришедшая к власти в апреле 1945 г. администрация Г. Трумэна (1945–1952) первоначально разделяла эти настроения.

Советское руководство во главе с И.В. Сталиным (1924–1953) также склонилось к компромиссу с США. К концу Второй мировой войны в СССР была создана научная база для получения урана и плутония, промышленного производства металлического урана, графита и тяжелой воды. Но Советский Союз отставал от Вашингтона в создании АО. Поэтому на Московском заседании совета министров иностранных СССР, США и Великобритании (декабрь 1945) В.М. Молотов согласился на переговоры о введении международного контроля над атомной энергией¹².

Площадкой для переговоров стала созданная в январе 1946 г. Комиссия ООН по атомной энергии. В марте 1946 г. США представили «план Ачесона-Лиенталя», предусматривавший создание международной Администрации по развитию атомной энергии. Ей предполагалось передать контроль над всеми фазами замкнутого ядерного топливного цикла (ЗЯТЦ), включая добычу урановой руды.

План допускал, что на определенном этапе Вашингтон должен будет отказаться от производства АО. Но представитель США в Комиссии ООН по атомной энергии Б. Барух убедил президента Г. Трумэна внести в план два изменения. Первое – на деятельность международного органа не будет распространяться право вето постоянных членов Совета Безопасности (СБ) ООН. Второе – орган будет обладать полномочиями принимать меры против нарушителей без санкции СБ ООН. Обновленный вариант плана («план Баруха») был внесен Соединенными Штатами в Комиссию ООН по атомной энергии 14 сентября 1946 года.

Первоначально И.В. Сталин склонялся к поддержке плана «Ачесона-Лиенталя». Но требования наказания нарушителей без санкции Совета Безопасности ООН вызвали в Кремле настороженное отношение. В 1947 г. постоянный представитель СССР при СБ ООН А.А. Громыко представил Комиссии ООН по атомной энергии альтернативный план. Он предусматривал сначала ликвидацию атомных боезарядов, а затем – постановку под контроль ЗЯТЦ. Проект вызвал несогласие администрации Гарри Трумэна. 29 июля 1949 г. состоялось последнее заседание Комиссии ООН по атомной энергии.

Во второй половине 1940-х годов американские эксперты разработали концепцию поражения экономической инфраструктуры противника с помощью атомных боезарядов¹³. В 1948 г. ВВС США приняли концепцию «воздушной атомной войны» (war-fighting) за основу военного планирования. В соответствии с новой стратегией, США увеличили количество атомных боезарядов с 12 единиц в 1947-м до 300 единиц в 1950 году. В качестве их носителей сначала предполагалось использовать поршневые условно-стратегические бомбардировщики В-29. В 1950-х годах на вооружение ВВС США стали поступать сначала реактивные бомбардировщики В-47, а затем – более совершенные В-52.

Советская военная доктрина рубежа 1940-х–1950-х годов не рассматривала АО в качестве основного оружия будущей войны¹⁴. Вместе с тем СССР создал в 1949 г. свое АО. К середине 1950-х годов он произвел по разным оценкам около 15–20 атомных боезарядов. Первоначально в качестве их носителя рассматривались поршневые условно-стратегические бомбардировщики Ту-4. К 1956 г. Советский Союз поставил на боевое дежурство реактивные стратегические бомбардировщики Ту-95 и М-4.

Но расчеты второй половины 1940-х годов доказали, что мощность атомных боезарядов не достаточна для полного поражения стратегического потенциала противника. АО образца 1946 г. могло использоваться, скорее, как фактор поражения отдельных городских объектов или поддержки общевойсковых операций. Справедливость этих заключений подтвердила Корейская война (1950–1953): в ходе военных действий советские истребители МиГ-15 успешно поражали американские бомбардировщики В-29.

Ситуация изменилась после создания в 1952–1953 годах термоядерного оружия. Благодаря мегатонной мощности, плавному эффекту и пригодности для ракетных носителей оно могло гарантированно поражать стратегический потенциал оппонента¹⁵. Советская и американская военные доктрины быстро переориентировали с АО на ЯО. По данным СИПРИ, к 1959 г. США имели на стратегических носителях 2496, СССР – 243 ядерных боезаряда. Москва и Вашингтон совершили рывок в развитии ракетных средств доставки ЯО. В 1957 г. СССР испытал межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) Р-7. В 1958 г. последовало испытание американкой МБР «Atlas D».

Появление ракетно-ядерного оружия позволило разработать первое поколение полноценных концепций «ядерного сдерживания» (nuclear deterrence). Принятая администрацией Д. Эйзенхауэра (1953–1960) доктрина «массированного возмездия» (massive retaliation) ориентировалась

на угрозу нанесения ядерного удара по городам СССР и КНР. Документ СНБ 162/2 (1953) определил три условия эффективности этой стратегии: (1) военно-технические средства, способные поражать стратегический потенциал оппонента, (2) техническая возможность причинить оппоненту неприемлемый ущерб, (3) готовность применить ЯО в случае нападения оппонента¹⁶. Военно-технической основой этой доктрины стал принятый в 1960 г. план SIOP (Strategic Integrating Operation Plan), предусматривавший использование в первом ядерном ударе примерно 3400 стратегических ядерных боезарядов.

Сдвиги происходили и в советской военной стратегии. В 1950-х годах маршалы Р.Я. Малиновский, С.М. Штеменко, С.В. Бирюзов отмечали растущую роль ракетно-ядерного оружия в ходе будущей войны. Это оружие рассматривалось советскими экспертами как эффективное средство компенсации американского превосходства в стратегической авиации. На базе этих разработок советское руководство создало в 1959 г. новый род войск – ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Серия военно-политических кризисов вокруг Тайваня (1958), ядерной программы ФРГ (1959–1960), Конго (1960) и Западного Берлина (1961) была попытками Москвы и Вашингтона апробировать новую модель взаимного сдерживания на базе ракетно-ядерного оружия.

Отсутствие ограничений на гонку вооружений порождали перманентный страх обеих сторон перед стратегическим прорывом оппонента. Во второй половине 1950-х годов в Америке шли дебаты о «ракетном отставании» (missile gap) от СССР. Для получения точной информации о советской ракетной программе администрация Д. Эйзенхауэра санкционировала в 1956 г. полеты над Советским Союзом самолетов-разведчиков «U-2». В 1958 г. Белый дом запустил программу строительства 450 МБР «Минитмен-1» и 19 атомных подводных лодок (АПЛ), ос-

нащенных баллистическими ракетами на подводных лодках (БРПЛ) класса «Полярис». В декабре 1957 г. Совет НАТО санкционировал размещение американского тактического ядерного оружия (ТЯО) в Западной Европе. Действия Вашингтона вызвали стремление советского руководства Н.С. Хрущева (1956–1964) пойти на ответные меры: от демонстративного поражения «U-2» (1960) до испытания самого мощного в истории термоядерного устройства 30 октября 1961 года.

Карибский кризис 1962 года, поставивший Кремль и Белый дом на грань ракетно-ядерной войны, был логическим завершением этого процесса¹⁷. Возникла потребность выработать правила стратегического взаимодействия в условиях, когда обе стороны приобрели ракетно-ядерные потенциалы.

З

Второй цикл советско-американских отношений (середина 1960-х – середина 1980-х годов) характеризовался двумя тенденциями. С середины 1960-х годов между СССР и США начала складываться система взаимно гарантированного уничтожения¹⁸. Но Москва и Вашингтон постоянно повышали потенциал нанесения контрсилового и контрэлитного ударов¹⁹. Это объективно вело к снижению порога ядерного сдерживания, повышая риск военного столкновения.

Во второй половине 1950-х годов американские эксперты Генри Киссинджер, Роберт Осгут и Герман Канн выдвинули концепцию «ограниченной ядерной войны» (limited nuclear war) – конфликта высочайшей степени интенсивности с применением ограниченного количества ЯО на одном или нескольких театрах военных действий (ТВД)²⁰. Администрация Джона Кеннеди (1961–1963) суммировала их разработки в концепцию гибкого реагирования (flexible response): возможность дозированного применения ЯО в зависимости от масштабов конфликта. Одним из вариантов ее реализации стал переход от контрценностной к контрсиловой кон-

цепции использования ЯО. 11 июля 1962 г. министр обороны США Р. Макнамара заявил о перенацеливании американских СЯС с советских городов на советские пусковые установки.

Похожие сдвиги происходили и в советской ядерной стратегии. Официально Советский Союз отрицал концепцию «гибкого реагирования». Но во второй половине 1960-х годов советские эксперты С.П. Иванов, В.Г. Куликов, А.А. Гречко, Д.Ф. Устинов, В.Г. Павловский выделяли пять типов возможных конфликтов: (1) скоростная полномасштабная ядерная война, (2) продолжительная ядерная война с использованием всех типов вооруженных сил, (3) большая война с применением ограниченного количества ЯО, (4) большая война с применением обычного оружия, (5) локальная война с применением обычного оружия. Речь, таким образом, шла о проработке сценариев удержания на доядерном уровне гипотетического конфликта на европейском ТВД.

До середины 1960-х годов подобные концепции были разработками на будущее. Но со второй половины 1960-х годов ситуация изменилась. Соединенные Штаты испытали в 1968 г. МБР «Минитмен-III», оснащенную разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН)²¹. Теоретически они позволяли поразить пусковые установки противника до принятия политического решения о нанесении ответного удара. СССР развернул вокруг Москвы систему стратегической ПРО «А-35», предназначенную для перехвата моноблочных баллистических ракет. Аналогичные американские проекты «Nike Zeus», «Nike X» и «Sentinile» оказались неудачными. США через новый проект «Safeguard» пытались создать наземные стационарные комплексы ПРО, Советский Союз – догнать американцев в области РГЧ ИН. У сторон стали появляться технические возможности для осуществления сценариев «эскалационного контроля» в ходе ядерного конфликта.

В таких условиях советское и американское руководство разработало новые правила стратегического взаимодействия. В 1963 г. СССР, США и Британия подписали Договор об ограничении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. В 1967 г. последовал Договор о принципах исследования и использования космического пространства («Договор о Луне»), запрещающий вывод в космос ОМП. В 1968 г. по инициативе СССР и США был подписан международный Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Сложнее проходил начавшийся в 1969 г. диалог по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям. Компромисс был зафиксирован в подписанном 26 мая 1972 г. договорном комплексе ОСВ-1. Договор по ПРО ограничивал системы стратегической ПРО двумя районами и 100–150 стационарными противоракетами наземного базирования²². Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений ввело лимит в 1054 МБР для США, и 1600 – для СССР из-за отсутствия у него РГЧ ИН. «Временное соглашение» касалось вооружений, которые могли использоваться в одном пуске (вылете), и вводило правила зачета пусковых установок.

С середины 1970-х годов между СССР и США возобновилась гонка за приобретение стратегического превосходства²³. Советский Союз запустил программы строительства МБР с РГЧ ИН Р-36М (SS-18) и УР-100Н (SS-19). Одновременно СССР начал создавать мобильные МБР РТ-23 УТТХ (SS-24) железнодорожного базирования. Эти шаги Москвы вызвали тревогу в Вашингтоне. В 1977 г. коллектив экспертов во главе с П. Нитце выдвинул концепцию «окна уязвимости» (window of vulnerability): опасения, что СССР получает потенциал нанесения разоружающего удара по американским СЯС. На базе рекомендаций П. Нитце администрация Дж. Картера (1977–1980) запустила в 1978 г. программу создания

СЯС с РГЧ ИН нового поколения: МБР МХ «Пискипер», БРПЛ «Трайидент-1» и «Трайидент-2», бомбардировщика-невидимки «В-2» на основе технологий «Стелс». Их целью было объявлено поражение высокозащищенных целей: шахтных пусковых установок и пунктов управления СЯС.

Действия СССР и США негативно сказались на переговорах по ОСВ. 23 ноября 1974 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев (1964–1982) и президент США Дж. Форд (1974–1976) подписали Владивостокскую декларацию о параметрах Договора ОСВ-2. Стороны обязались ограничить РГЧ ИН на всех компонентах стратегической триады. Из-за опасений перед повышением контрсилловых возможностей СЯС переговоры затянулись на пять лет. 18 июня 1979 г. Л.И. Брежнев и Дж. Картер подписали Договор ОСВ-2, повторявший условия Владивостокской декларации. Но после ввода советских войск в Афганистан (декабрь 1979) президент Дж. Картер отозвал договор из Сената²⁴.

Более глубокий комплекс противоречий складывался вокруг ракет средней и меньшей дальности (РСМД). В 1973 г. министр обороны США Дж. Шлессинджер заявил о смещении центра сдерживания с межконтинентальных средств доставки ЯО на РСМД, оснащенных РГЧ ИН, а также системами лазерного, инфракрасного и телевизионного самонаведения на цели. Такой вариант позволял обрести потенциал для нанесения уже не контрсиллового, а контрэлитного удара за счет выигрыша в подлетном времени, то есть ликвидации руководства противника до принятия им решения о нанесении ответно-встречного удара²⁵.

В ответ СССР поставил в 1977 г. на боевое дежурство 300 РСД-10 «Пионер» (SS-20), каждая из которых имела три РГЧ ИН. Находясь в 5–10 минутах подлета до целей в Западной Европе, они создавали угрозу нанесения контрэлитного удара по штаб-квартире НАТО в Брюсселе и всей европейской инфраструктуре альянса. Со своей стороны, Совет НАТО принял

12 декабря 1979 г. «двойное решение»: попробовать достичь договоренности с СССР по РСМД к 1983 г. и одновременно готовиться к размещению в Западной Европе, начиная с 1983 года, американских РСД «Першинг-2».

Последующие события приобрели характер встречной эскалации. Женевские переговоры 1981–1983 годов по РСМД не принесли результата. СССР отказался от предложенной администрацией Р. Рейгана (1981–1988) концепции «глобального нуля»: ликвидация советских РСД-10 и неразмещение американских РСД. Осенью 1983 г. в Западной Европе началось размещение 108 американских БРСД «Першинг-2» и крылатых ракет (КР) наземного базирования «Томагавк». Находясь в 8–10 минутах полета от Москвы, они создавали угрозу нанесения контрэлитного удара по СССР.

Дополнительным фактором обострения стали попытки милитаризации космоса. 23 марта 1983 г. президент США Р. Рейган объявил о запуске программы Стратегической оборонной инициативы (Strategic Initiative Defense – SDI, СОИ).

Военно-политический кризис 1983 г. был результатом развития предшествующих тенденций²⁶. Инцидент с южнокорейским «Боингом» 1 сентября 1983 г. был воспринят советским правительством как попытка США прощупать надежность советской системы ПВО. 24 ноября 1983 г. генсек Ю.В. Андропов (1982–1984) заявил, что размещение РСД «Першинг-2» повышает опасность начала ядерной войны в Европе и необходимости принятия Советским Союзом ответных мер: от выхода из Женевских переговоров по РСМД до размещения дополнительных РСД-20 и оперативно-тактических ракет ОТР-23 «Ока» (SS-23) в ГДР и Чехословакии. Советская система управления СЯС была приведена в режим «пятиминутной готовности к ядерной войне».

Итоги кризиса 1983 г. побудили руководство сверхдержав обновить правила взаимодействия в стратегической сфере. На похоронах Ю.В. Андропова (9–14 фев-

раля 1984 г.) вице-президент США Дж. Буш и премьер-министр Британии М. Тэтчер обсудили эту проблему с генеральным секретарем ЦК КПСС К.У. Черненко (1984–1985) и министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым. В феврале 1985 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и госсекретарь США Дж. Шульц возобновили в Женеве переговоры о разблокировке переговорного пакета РСМД-СОИ.

4

Переход к третьему циклу российско-американских отношений (середина 1980-х – середина 2000-х годов) сопровождался новыми обстоятельствами. Первое – осознание падения сдерживающей роли ядерных потенциалов, в том числе – из-за разработки в середине 1980-х годов концепции «ядерной зимы»²⁷. Второе – появление потребности отказаться от использования стратегических носителей ЯО поколения 1960-х годов.

Возобновление советско-американского диалога стало заметно в середине 1980-х годов. На XXVII съезде КПСС (февраль 1986) М.С. Горбачев (1985–1991) заявил о невозможности победы в ядерной войне. На встрече в Рейкьявике (Исландия) 12 октября 1986 г. советский лидер разблокировал переговорный пакет по СОИ и евrorакетам. 7 декабря 1987 г. лидеры СССР и США подписали Вашингтонский договор о сокращении ракет средней и меньшей дальности, предусматривавший ликвидацию РСМД как класса вооружений. Соединенные Штаты также ликвидировали КР наземного базирования типа «Томагавк», а Советский Союз – оперативно-тактические ракеты ОТР-23 «Ока».

В конце 1980-х годов Москва и Вашингтон согласовали концепцию «стратегической стабильности» (strategic stability). Это понятие было предложено в 1977 г. П. Нитце. Для ее обеспечения он советовал уделить особое внимание сокращению МБР с РГЧ ИН и исключить из переговоров КР. Долгое время СССР не соглашался принять американский вари-

ант «стратегической стабильности»²⁸. Но на встрече в Вайоминге (США) 22–23 сентября 1989 г. министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Бейкер выработали правила стратегического диалога:

- разделение переговоров по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям;

- допустимость условного зачета боеголовок для тяжелых бомбардировщиков, что создавало определенную диспропорцию в пользу Соединенных Штатов;

- ограничение забрасываемого веса МБР с РГЧ ИН (тяжелых МБР);

- исключение из переговоров КР морского и воздушного базирования.

Логика «Вайомингского компромисса» была зафиксирована в Договоре СНВ-1 (31 июля 1991 г.). СЯС ограничивались лимитом в 6500 оперативно-развернутых боезарядов и 1600 носителей у каждой из сторон. Но на тяжелых МБР было разрешено иметь не более 1540 боезарядов, что вело к диспропорциональному сокращению советских тяжелых МБР. В договоре был также установлен принцип условного зачета боезарядов на тяжелых бомбардировщиках, в которых Вашингтон традиционно имел превосходство.

Новое российское руководство во главе с Б.Н. Ельциным (1991–1999) нуждалось в поддержке Соединенных Штатов для признания Российской Федерации в границах РСФСР 1991 года, вывоза ЯО из республик бывшего СССР и получения международного признания в борьбе с Верховным советом. Сигналы из Москвы были с пониманием восприняты в Вашингтоне. 23 мая 1992 г. Россия и США убедили Белоруссию, Казахстан и Украину подписать Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1, в соответствии с которым советское ЯО подлежало вывозу на российскую территорию и последующему уничтожению. 3 февраля 1994 г. президенты США, России и Украины заключили трехстороннее соглашение о предоставлении Киеву американской финансовой компенсации за вывозимое урановое сырье.

Соединенные Штаты также помогли России в реализации Договора СНВ-1. 25 ноября 1991 г. администрация Дж. Буша-старшего (1989–1992) запустила программу Совместного уменьшения угрозы (Cooperative Threat Reduction Program), предусматривавшую оказание финансовой помощи республикам бывшего СССР в реализации этого договора. 18 января 1993 г. стороны заключили соглашение по высокообогащенному – низкообогащенному урану (ВОУ-НОУ): Россия обязалась поставлять США по коммерческим ценам разобогащенный уран, изъятый в процессе реализации СНВ-1. 3 апреля 1995 г. министры обороны П.С. Грачев и У. Перри подписали Московские соглашения о сотрудничестве в области:

- 1) безопасности хранения ЯО путем предоставления материально-технических средств, услуг и соответствующего обучения;

- 2) транспортировки ЯО путем предоставления материально-технических средств, услуг и соответствующего обучения.

В обмен Вашингтон стремился получить от России уступки в стратегической сфере²⁹. Еще 12 мая 1989 г. президент США Дж. Буш-ст. указал, что процесс демократических реформ в СССР неотделим от процесса сокращения стратегических вооружений. Договор СНВ-2 (3 января 1993 г.) предусматривал сокращение СЯС до 3500 боезарядов у каждой из сторон. Но условия СНВ-2 содержали ряд уступок в пользу США: принцип «возвратного потенциала» и приоритет сокращения тяжелых МБР³⁰. 23 сентября 1997 г. Россия и США подписали соглашение об остановке работы реакторов-накопителей оружейного плутония, который использовался в СССР как основной материал для производства ядерных боезарядов. (Соединенные Штаты чаще использовали природный уран, благодаря союзническим отношениям с Канадой и Австралией.)

С середины 1990-х годов в США возродились проекты достижения стратегического превосходства. В «Обзоре ядерной политики США» (1994) было зафиксиро-

вано сохранение угрозы со стороны российских СЯС и контрсиловой системы нацеливания американских СЯС. 3 января 1995 г. министр обороны США Уильям Перри провозгласил доктрину «взаимно гарантированной безопасности» (*mutually assured safety*). Вашингтон сохранял складированные в ходе реализации Договора СНВ-1 ядерные боезаряды на случай, если политика демократических реформ в России окажется неудачной. Соединенные Штаты, таким образом, сохраняли возможность вернуться к лимитам СЯС в 12000–14000 боезарядов. Американские эксперты полагали, что из-за экономической депрессии Москва не сможет поддерживать СЯС на уровне СНВ-1.

Согласно закону «О противоракетной обороне» (*Missile Defense Act*) 1991 года, была свернута программа СОИ. В качестве приоритета было обозначено создание систем ПРО театра военных действий (ПРО ТВД). В его рамках американские компании разработали проекты систем «заатмосферного перехвата», способных поражать цели на границе космического и атмосферного пространства³¹. В феврале 1995 г. Пентагон запустил программы «3+3» – создание компонентов для будущей стратегической ПРО. С января 1999 г. администрация У. Клинтона начала консультации с Россией о возможности ревизии Договора по ПРО³².

Параллельно Белый дом обсуждал возможность разработки нового поколения ядерных боезарядов. Принятая Конгрессом США в мае 1994 г. резолюция Фурс-Спратта запрещала создание ЯО мощностью менее 5 килотонн. Но 24 июня 1995 г. Пентагон запустил программу повышения защищенности ядерных боеголовок на БРПЛ. В феврале 1996 г. президент У. Клинтон подписал Меморандум об арсенале ядерного оружия (*NWSM-96*), предусматривавший модернизацию американских ядерных боезарядов до 2001 года. В рамках этих проектов обсуждались вопросы создания малых ядерных боезарядов типа В61-11 для поражения подземных высокозащищенных целей. Рассмат-

ривались и проекты «боеголовок будущего» W-94 и W-95, которые теоретически могли быть созданы на основе «чистого термоядерного оружия».

Россия на протяжении 1990-х годов также снижала порог ядерного сдерживания. В «Основных направлениях Военной доктрины РФ» (ноябрь 1993) было исключено обязательство СССР 1982 г. не применять ЯО первым. «Основные положения политики РФ в области ядерного сдерживания» (март 1999) допускали возможность использования ЯО в критических для национальной безопасности ситуациях. Военная доктрина РФ (апрель 2000) допускала возможность применения ЯО для отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений.

19 апреля 1996 г. российская сторона заявила, что готова подписать Договор о всеобъемлющем запрете ядерных испытаний (ДВЗЯИ) только при условии неразмещения ЯО на территории новых членов НАТО. В «Основополагающий акт Россия-НАТО» (27 мая 1997 г.) было включено положение о том, что у альянса нет намерений размещать ЯО на территории присоединившихся к нему государств. 26 марта 1999 г. Россия в ответ на начало военной операции НАТО против Югославии выдвинула часть СЯС на боевые позиции. Наиболее резкое заявление президент Б.Н. Ельцин сделал в ответ на критику президентом США У. Клинтонем российской контртеррористической операции в Чечне. 9 декабря 1999 г. Б.Н. Ельцин, находясь с официальным визитом в Пекине, напомнил, что Россия обладает всем современным ядерным арсеналом³³.

Стратегические разногласия усилили трудности на переговорах по СНВ. Конгресс США ратифицировал СНВ-2 в 1996 году. Россия, напротив, настояла на подписании 26 сентября 1997 г. дополнительных Нью-Йоркских протоколов, которые вводили разграничения тактических и стратегических перехватчиков ПРО. В 2000 г. Федеральное Собрание РФ ратифицировало СНВ-2 в пакете с Нью-Йорк-

скими протоколами и при условии действия Договора по ПРО. Конгресс США, напротив, отказался ратифицировать Нью-Йоркские протоколы. Договор СНВ-2 в действие не вступил.

Еще сложнее проходили переговоры по проекту Договора СНВ-3. Хельсинкская декларация о параметрах СНВ-3 (21 марта 1997 г.) предусматривала ограничение развернутых СЯС до 2000–2500 боезарядов и введение мер по транспарентности стратегических ядерных боезарядов и извлеченных расщепляющихся материалов. В обмен Соединенные Штаты предложили России перевести МБР в режим, требующий нескольких часов для их подготовки к пуску. Это вызвало тревогу российских экспертов из-за растущего американского превосходства в высокоточном оружии. В августе 2000 г. Москва отказалась от американского проекта СНВ-3.

Неудачей завершились и переговоры по ПРО. Еще в феврале 1992 г. президент Б.Н. Ельцин предложил администрации Дж. Буша-ст. взаимодействие в области ПРО. 17 июня 1992 г. стороны подписали соглашение о запуске программы РАМОС (Russian American Missile Observation Satellite). В ее рамках Россия и США отрабатывали взаимодействие спутников аэрофотосъемки для совместного наблюдения за пусками баллистических ракет. 21 марта 1997 г. была подписана Хельсинкская декларация о сотрудничестве в области ПРО ТВД между Агентством по противоракетной обороне при министерстве обороны США и научно-производственным центром «Комета». 5 июня 2000 г. президенты В.В. Путин и У. Клинтон подписали соглашение о создании общего центра наблюдений за ракетными пусками. Администрация Дж. Буша-мл. опасалась, что Россия посредством этого проекта хочет подорвать создание американской ПРО. С 2004 г. работы по созданию центра были заморожены.

Попытка российско-американского сближения начала 2000-х годов была вызвана прежде всего стремлением сохранить систему стратегической стабильнос-

ти. На встрече в Кроуфорде (США) 12 ноября 2001 г. президент России В.В. Путин (2000–2008) согласился с выходом Вашингтона из Договора по ПРО. В обмен президент США Дж. Буш-младший (2001–2008) пошел на подписание 24 мая 2002 г. Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), предусматривавшего сокращение СЯС до 2200 оперативно-развернутых боезарядов у каждой из сторон. Одновременно с ним была подписана Московская декларация о стратегическом партнерстве в области борьбы с терроризмом. Соединенные Штаты обязались консультироваться с Россией по всем вопросам развертывания системы ПРО.

Но администрация Дж. Буша-младшего (2001–2008) ускорила реализацию клинтоновских стратегических проектов. В «Обзоре ядерной политики США» (2002) говорилось о переходе к новой структуре стратегической триады: (1) ударные наступательные системы, ядерные и конвенциональные, (2) оборонительные системы: ПРО, ПВО и средства гражданской обороны и (3) обновленная инфраструктура с завязкой на информационно-космические системы³⁴. 22 ноября 2003 г. Конгресс США отменил резолюцию Фурс-Спратта и санкционировал работы по разработке малых и сверхмалых вариантов ЯО. Администрация Дж. Буша переоборудовала четыре АПЛ типа «Огайо» в носители КР и переоснастила МБР «Минитмен-3» боеголовками W-87 с МБР МХ, предназначенными для поражения высокозащищенных целей.

В 2002 г. был утвержден план создания стратегической ПРО³⁵. Он предусматривал развитие средств поражения баллистических целей на всех участках траектории полета, информационных систем наземного, морского, воздушного и космического базирования, разветвленной сети средств боевого управления и связи. С августа 2004 г. началась постановка на боевое дежурство стратегических перехватчиков «GBI» на Аляске и в Калифорнии и испытания воздушных лазеров

авиационного базирования³⁶. «Национальная космическая политика» (2006) США предусматривала расширение космического компонента ПРО. 21 февраля 2008 г. Соединенные Штаты испытали противоракету «SM-3», уничтожив свой спутник «USA-193».

Действия Вашингтона побудили Россию начать модернизацию своих СЯС³⁷. В 2007 г. была разработана МБР РС-24 с РГЧ ИН. Возобновилось производство тяжелых бомбардировщиков Ту-160 и началась модернизация бомбардировщиков Ту-95. Прошли модернизацию АПЛ класса «Дельфин» (включая замену БРПЛ на Р-29 РМУ2 «Синева»), вступила в действие первая АПЛ «Юрий Долгорукий» класса «Борей». Вошли в строй новые станции РЛС в Ленинградской области в Краснодарском крае. Представители РВСН заявляли о возможности восстановления производства МБР железнодорожного базирования РС-24 и частично орбитальных ракет РС-36орб. 17 августа 2007 г. Россия возобновила прерванные в 1992 г. регулярные полеты стратегической авиации.

Под воздействием этих тенденций импульс к российско-американскому сближению иссяк. Попытку Вашингтона создать «второй позиционный район» ПРО в Британии и Гренландии российская сторона восприняла как нарушение Московской декларации 2002 года. (США уведомили Россию об этом 20 марта 2004 года — за день до принятия решения о модернизации РЛС в Файлингдейлз-Мур и Туле.) На саммите в Братиславе 24 февраля 2005 г. президент В.В. Путин не согласился с предложением Дж. Буша-мл. включить в стратегический диалог проблемы контроля над расщепляющимися материалами. В Мюнхенской речи 10 февраля 2007 г. президент В.В. Путин заявил, что российская сторона может ответить военными контрмерами на развертывание американских противоракет в Европе и продолжение расширения НАТО на восток. 12 декабря 2007 г. Россия ввела мораторий на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ).

Кризис в российско-американских отношениях разразился из-за появившихся в начале 2007 г. проектов США развернуть третий позиционный район американской ПРО в Польше и Чехии. 7 июня 2007 г. президент В.В. Путин предложил Вашингтону отказаться от этого плана в обмен на совместное использование РЛС в Габале (Азербайджан) и Армавире (Россия). Но переговоры осенью 2007 г. не увенчались успехом. 26 октября 2007 г. В.В. Путин сравнил размещение элементов системы ПРО США в Европе с действиями СССР в период Карибского кризиса. Летом 2008 г. Соединенные Штаты подписали соглашения с Польшей и Чехией о развертывании компонентов ПРО на их территории.

Осложняющими обстоятельствами стали переплетение проблемы расширения НАТО и обострение российско-грузинских отношений. В 2004 г. президентом Грузии стал М. Саакашвили, выступавший за восстановление контроля Тбилиси над Абхазией и Южной Осетией. Это вступало в противоречие с интересами России, которая выполняла миротворческие функции в Южной Осетии (с 1992 г.) и Абхазии (с 1994 г.). США при этом с 2002 г. осуществляли поставки Грузии военной техники и обучение грузинских военнослужащих. На саммите НАТО в Бухаресте (5 апреля 2008 г.) вопрос о предоставлении Украине и Грузии индивидуальных «Планов действий по членству в НАТО» был отложен до декабря 2008 года. Но 10 июля 2008 г. госсекретарь США К. Райс посетила Тбилиси и заявила о необходимости решить до декабря проблему территориальной целостности страны. Грузинская сторона отказалась от компромиссного «плана Штайнмайера»: вхождение Грузии в НАТО без Абхазии и Южной Осетии.

«Пятидневная война» вокруг Южной Осетии (август 2008) стала апогеем вспышки конфронтации середины 2000-х годов. К осени 2008 г. острота полемики между Москвой и Вашингтоном стала немногим меньше. На формальных и нефор-

мальных встречах российские и американские представители, как в 1963-м и 1984-м годах, сигналили друг другу о готовности к поиску компромисса. 18 декабря 2008 г. Совет НАТО отложил на неопределенный срок вопросы вступления Грузии и Украины в альянс и не одобрил развертывание «третьего позиционного района» ПРО. Окончательно от развертывания третьего позиционного района ПРО отказался президент США Б. Обама 17 сентября 2009 года. Руководство России и США осознавало потребность обновить условия «Вайомингского компромисса» как базовых правил стратегической стабильности.

5

Наступление в конце 2000-х годов четвертого цикла российско-американских отношений началось с обновления стратегических доктрин. В 2010 г. администрация Б. Обамы приняла стратегию «минимального сдерживания» (minimal deterrence)³⁸, предусматривавшую перенацеливание части американских СЯС на ключевые объекты экономической инфраструктуры потенциальных противников. Новая стратегия предполагала радикальное сокращение российских и американских СЯС (в идеале – на 75%) и широкое развитие систем ПРО. В Пражской речи 5 апреля 2009 г. президент США Б. Обама заявил о поддержке проекта «безъядерного мира» (nuclear zero) – глубоких сокращений СЯС, ликвидации ТЯО и установления международного контроля над ЗЯТЦ³⁹. Важным этапом на этом пути должен стать переход к виртуальному сдерживанию» (virtual deterrence) – состоянию, когда ЯО полностью снято с оперативно-развернутых носителей⁴⁰.

Согласно Военной доктрине России (февраль 2010)⁴¹ Москва оставляет за собой право применить ЯО в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ОМП и в случае агрессии с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено существование государства. Среди приоритетных угроз в документе

названы создание и развертывание систем стратегической ПРО, милитаризация космического пространства, развитие неядерного высокоточного оружия, распространение ОМП и ракетных технологий.

Политика «перезагрузки» (reset), провозглашенная в феврале 2009 г. вице-президентом США Дж. Байденом, предполагает в первую очередь возрождение диалога по контролю над вооружениями. В декабре 2009 г. истек срок действия Договора СНВ-1. Но в ходе начавшихся 24 апреля 2009 г. переговоров по новому СНВ Россия стала настаивать на пересмотре «Вайомингского компромисса» 1989 года. Выступая в Хельсинки (20 апреля 2009 г.) и Амстердаме (20 июня 2009 г.) президент России Д.А. Медведев выдвинул новые условия ведения переговоров по СНВ: (1) введение лимитов на комплексы стратегической ПРО, (2) отказ от милитаризации космоса, (3) зачет ударных высокоточных систем и (4) отказ от принципа «возвратного потенциала». Но Соединенные Штаты были не готовы радикально пересмотреть «Вайомингский компромисс». Поэтому подписанный на саммите в Праге (8 апреля 2010 г.) Договор СНВ-3 (Пражский договор) не только предусматривал снижение потолков СЯС до 1550 блоков у каждой из сторон, но и фиксировал новые правила стратегического диалога:

- сохранение права России и США на наличие «возвратного потенциала»;
- учет проблемы ПРО в структуре стратегического баланса;
- невключение в переговорный процесс неядерного высокоточного оружия;
- отсутствие лимитов на РГЧ ИН;
- отказ от приоритетности переговоров по сокращению тяжелых МБР;
- ослабление системы взаимных инспекций.

Последующие события расширили параметры «Пражского компромисса»⁴². 24 декабря 2010 г. Конгресс США ратифицировал СНВ-3 при условии отсутствия ограничений на развертывание систем ПРО, модернизации американского

ядерного потенциала и начала переговоров с Россией по сокращению ТЯО. 26 января 2011 г. Федеральное Собрание России ратифицировало СНВ-3 с тремя оговорками: развитие ядерного комплекса РФ, учет фактора ПРО и начало переговоров о выводе американского ТЯО из Европы. Российская сторона оставила за собой право выйти из договора в случае резкого наращивания стратегической ПРО. 5 февраля 2011 г. Россия и США обменялись ратификационными грамотами по Договору СНВ-3.

Важной проблемой стало подключение к стратегическому диалогу союзников США⁴³. Британский ядерный арсенал с 1962 г. включен в американскую систему ядерного планирования. Весной – летом 2010 г. российские эксперты высказывали опасения, что нерешенность «британской проблемы» может стать одним из препятствий при ратификации договора Россией. В июле 2010 г. МИД России предложил Соединенным Штатам учесть фактор Британии в рамках СНВ-3 – например, через подписание дополнительного соглашения о ненаращивании британского ядерного арсенала. Администрация Б. Обамы от этого варианта отказалась. Зимой 2011 г. в СМИ появились сообщения, что Москва и Вашингтон достигли компромисса по британской проблеме⁴⁴.

Другой новацией стали попытки включить в переговорный процесс проблематику ТЯО⁴⁵. В феврале 2010 г. министры иностранных дел Польши Р. Сикорский и Швеции К. Бильдт призвали Соединенные Штаты сократить ТЯО в Европе, а Россию – вывести его из пограничных районов со странами ЕС. В «Обзоре ядерной политики США» (2010) говорилось о поддержке инициативы Бильдта-Сикорского⁴⁶. 24 декабря 2010 г. Конгресс США ратифицировал СНВ-3 на условиях обязательного начала переговоров с Россией по ТЯО.

Но для России ТЯО остается на обозримую перспективу средством компенсации превосходства НАТО в обычных вооружениях. 24 декабря 2010 г. министр

иностраннных дел РФ С.В. Лавров выдвинул четыре условия начала переговоров по ТЯО: выполнение Договора СНВ-3, решение проблемы «ЕвроПРО», восстановление контроля над обычными вооружениями в Европе и предотвращение милитаризации космоса. 1 марта 2011 г. С.В. Лавров отметил, что сокращение ТЯО должно начаться с его вывода на территорию страны, которой оно принадлежит. Дополнительные трудности могут создать попытки США привлечь к переговорам КНР⁴⁷.

Дискуссии вокруг ТЯО возрождают «германский вопрос». 24 апреля 2009 г. Бундестаг ФРГ призвал Соединенные Штаты рассмотреть возможность вывода ТЯО с территории страны. 24 февраля 2010 г. позицию Германии поддержали Норвегия и страны Бенилюкс. Этот шаг вызвал недовольство США. Саммит НАТО в Таллинне (21–22 апреля 2010 г.) постановил, что вопрос о выводе ТЯО является прерогативой альянса. И все же возможный вывод ТЯО ослабит американские ядерные гарантии ФРГ. Возникает вопрос о заключении мирного договора «держав-победительниц» с Германией, который снимет остатки ограничений германского суверенитета и определит характер военной политики Берлина в отсутствие американских ядерных гарантий.

Менее успешным был диалог по проблемам европейской безопасности. В Берлинской речи 5 июня 2008 г. президент РФ Д.А. Медведев призвал страны НАТО, ЕС и СНГ заключить Договор о европейской безопасности (ДЕБ). 29 ноября 2009 г. МИД России представил проект ДЕБ, предусматривавший отказ от разрешения спорных вопросов силой и обязательные консультации на случай военно-политических кризисов⁴⁸. В начале 2010 г. США при поддержке Британии и Польши отказались от проекта ДЕБ из-за опасений подрыва американских гарантий безопасности союзникам по НАТО. Новой формой диалога стала запущенная 5 декабря 2009 г. Евроатлантическая инициатива безопасности. Изначально она представляла собой негосудар-

ственный проект Фонда Карнеги, хотя накануне Таллиннского саммита НАТО ее поддержал российский МИД.

К середине 2010 г. в политике «перезагрузки» наметились проблемы. 6 апреля 2010 г. министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что Пражский договор будет заключен в рамках имеющихся уровней стратегических оборонительных вооружений⁴⁹. В ответ 13 мая 2010 г. министр обороны США Роберт Гейтс подчеркнул, что Пражский договор не помещает Вашингтону разрабатывать системы ПРО. Разночтение по формулировке о взаимосвязи СНВ/ПРО грозило трудностями при выполнении СНВ-3.

Накануне Вашингтонской встречи президентов Б. Обамы и Д.А. Медведева (24 июня 2010 г.) МИД России выдвинул проект дополнительного протокола к СНВ-3⁵⁰, который определит число перехватчиков и районы их базирования. Но подписать соглашение по ПРО на Вашингтонском саммите не удалось. Стороны ограничились «Совместным заявлением о стратегической стабильности»⁵¹, повторявшим заявление президентов Б.Н. Ельцина и У. Клинтона от 2 сентября 1998 года. 25 июня 2010 г. заместитель госсекретаря США Р. Гетемюллер указала, что Белый дом готов подписать с Россией только декларацию о сотрудничестве в сфере ПРО ТВД⁵². В июле 2010 г. США разместили в Польше комплексы ПРО ТВД «Пэтриот» и начали переговоры об их размещении с Румынией.

На Лиссабонском саммите НАТО 20 ноября 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев предложил создать совместную «секторальную ПРО»⁵³. В рамках этого проекта Россия и страны НАТО должны прикрывать друг друга в рамках ответственности своего сектора. Но переговоры на саммите «группы восьми» в Довиле (26–27 мая 2011 г.) и заседании Совета Россия–НАТО в Сочи (4 июля 2011 г.) не завершились успехом. Поиск компромисса был отложен до саммита НАТО в Чикаго в мае 2012 года.

Политика «перезагрузки» может начать развиваться по логике предшествующих

циклов. Определение новых правил стратегического взаимодействия (которое, возможно, продлится еще 2–3 года) сменяется ростом трудностей в переговорном процессе⁵⁴.

Во-первых, Россия и США подошли к критическим потолкам сокращения СЯС – до 1550 оперативно-развернутых боезарядов у каждой из сторон. Дальнейшее снижение потолков (ниже 1000 боезарядов) может сделать возможным нанесение разоружающего удара по стратегическим силам одной из сторон.

Во-вторых, за минувшие двадцать лет Россия и США обновляли свои СЯС намного медленнее, чем в 1970-х и 1980-х годах. Потенциал для вывода из строя ядерных систем будет намного меньше, чем это было до 2009 года.

В-третьих, сужаются возможности для достижения компромисса по ПРО. Вашингтон выделяет крупные средства на реализацию этого проекта, а американский бизнес получает крупные военные заказы. Американцы не видят, на какую крупную уступку со стороны Москвы они могли бы разменять возможное соглашение по ПРО.

Запас прочности отношений России и США в стратегической сфере истощается. Возникает задача сохранить стратегический диалог в условиях изменения материально-технической основы системы ядерного сдерживания.

* * *

Циклический характер российско-американских отношений обусловлен системой взаимного ядерного сдерживания. В его основе лежат потребность согласовать действия СССР/России и США в период обновления стратегических потенциалов и/или вывода из строя носителей ЯО. По исчерпанию этой повестки элиты обеих стран пытались совершить прорыв в области стратегических вооружений. Итогом были кризисы 1962-го, 1983-го и 2008-го годов. Кризисы побуждали стороны начать новый тур переговоров о модернизации правил стратегического взаимодействия.

Начавшаяся в 2009 г. политика «Перезагрузки» не является аномалией для российско-американских отношений. Москва и Вашингтон вырабатывают правила стратегического взаимодействия в новых

условиях. Основная задача «перезагрузки» – восстановить систему контроля над вооружениями – выполнена. На очереди может оказаться новый виток обновления стратегических потенциалов.

Резюме

Российско-американские отношения подвержены циклическим колебаниям. Такая цикличность, по мнению автора, предопределена характером эволюции системы взаимного ядерного сдерживания. Циклы российско-американских отношений продолжались примерно 15–20 лет. Это – срок функционирования определенного поколения стратегических вооружений, на протяжении которого оно вводится в строй, находится на боевом дежурстве и исчерпывает свои ресурсы. Такой цикл взаимодействия проходит в своем развитии примерно пять этапов: создание новых правил взаимодействия в стратегической сфере, модернизация стратегических потенциалов в рамках новых правил, появление представлений о возможности достижения стратегического превосходства, наступление серьезного военно-политического кризиса и возобновление переговоров о ревизии правил взаимодействия в стратегической сфере.

После Второй мировой войны СССР/Россия и США прошли три цикла, которые завершились крупным военно-политическим кризисом 1962-го, 1983-го и 2008-го годов. В рамках начавшейся с 2009 г. политики «перезагрузки» Москва и Вашингтон вырабатывают правила стратегического взаимодействия в новых условиях. Но основная задача «перезагрузки» – восстановить систему контроля над вооружениями – выполнена. На очереди может оказаться очередной виток обновления стратегических потенциалов.

Ключевые слова: Россия; США; российско-американские отношения; цикличность; контроль над вооружениями; ядерное сдерживание; военно-политические кризисы.

Abstract

US-Russian relations are cyclical. Such a recurrence, according to the author, is predetermined by the nature of the evolution of a system of mutual nuclear deterrence. Cycles of Russian-American relations last on average for about 15–20 years. This is the time span required for a generation of strategic weapons to fade out. A typical cycle normally includes: the creation of new rules of interaction in the strategic sphere, modernization of strategic capabilities within the new rules, the emergence of ideas about the opportunities to achieve strategic superiority, the onset of a serious military-political crisis and the resumption of negotiations on the revision of the rules of engagement in the strategic area.

After the Second World War, the Soviet Union/Russia and the U.S. have seen three cycles, which resulted in a major military and political crisis of 1962, 1983 and 2008. As part of the «reset» policy which began in 2009 Moscow and Washington drew up rules of strategic interaction in the new environment. But the main goal of the «reset» – to restore the system of arms control – has been attained. The next step may be another round of updating the strategic potentials.

Keywords: Russia; U.S.; US-Russian relations; cycles; arms control; nuclear deterrence; military and political crises.

Примечания

¹ См., например: Караганов С.А. Вперед от «Перезагрузки» // Российская газета. 17 февраля 2011; Богатуров А.Д. Кризис как инструмент дипломатии // НГ-Дипкурьер. 27 декабря 2010 [Karaganov S.A. Vpered ot «Perezagruzki» // Rossijskaja gazeta. 17 fevralja 2011; Bogaturov A.D. Krizis kak instrument diplomatii // NG-Dipkur'er. 27 dekabnja 2010].

См. также нашу статью: Фененко А.В. После перезагрузки // НГ-Дипкурьер. 17 января

2011 [Fenenko A.V. Posle perezagruzki // NG-Dipkur'er. 17 janvarja 2011].

² Что тебе снится, крейсер «Монтерей»? Интервью главы МИД РФ Сергея Лаврова // Российская газета. 11 июля 2011. С. 1, 3 [Chto tebe snitsja, krejser «Monterej»? Interview of Russia's Foreign Minister Sergey Lavrov // Rossijskaja gazeta. 11 ijulja 2011. P. 1, 3].

³ См. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992 [Schlesinger A.M. Ciky amerikanskoj istorii. M.: Izdatel'skaja gruppya

«Progress», «Progress-Akademija», 1992]; *Arthur M. Schlesinger*. War and the American Presidency. New York – London: W.W. Norton & Company, 2004.

⁴ Хаусхофер К. О геополитике. М.: Мысль, 2001; Шмитт К. Левиафан в учении Томаса Гоббса. М.: издательство Владимир Даль, 2006 [*Haushofer K.* О геополитике. М.: Мысль, 2001; *Schmitt K.* Leviathan v uchenii Tomasa Gobbssa. М.: Izdatel'stvo Vladimir Dal', 2006].

⁵ См.: *Gerry Kearns*. Geopolitics and Empire: The Legacy of Halford Mackinder (Oxford Geographical and Environmental Studies). Oxford: Oxford University Press, 2009; *Brian Bluet*. Global Geostrategy: Mackinder and the Defence of the West (Geopolitical Theory). London: Frank Cass, 2005; *Parker Geoffrey*. Geopolitics. Past, Present and Future. London: Washington: Macmillan, 1998. Радикальный вариант подобных концепций см.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2005; *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна, СПб, 2007 [*Bzhezinskij Z.* Velikaja shahmatnaja doska. М.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2005; *Dugin A.G.* Geopolitika postmoderna, SPb, 2007]

⁶ Наиболее полно теория геополитического цикла российско-американских отношений сформулирована в работах российского геополитика В.Л. Цымбурского. См.: *Цымбурский В.Л.* Остров России: геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: Росспэн, 2007 [*Tsyburskij V.L.* Ostrov Rossii: geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty 1993–2006. М.: Rosspjen, 2007].

⁷ См., например: *Тренин Д.В.* Одиночное плавание. М.: Издательство Р. Еленина, 2009; *Кулагин В.М.* Россия – США. «Кое-что начинает получаться» // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 – 2002. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. С. 172 – 180; *Кременюк В.А.* Россия вне мирового общества // Международные процессы. Т. 4. № 3 (12). Сентябрь – декабрь 2006 [*Trenin D.V.* Odnocnoe plavan'e. М.: Izdatel'stvo R. Jelenina, 2009; *Kulagin V.M.* Rossiya – SShA. «Koe-chto nachinaet poluchat'sja» // Vneshnjaja politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991 – 2002. Т. 1. М.: ROSSPJeN, 2002. S. 172 – 180; *Kremenyuk V.A.* Rossiya vne mirovogo obshstva // Mezhdunarodnye processy. Т. 4. № 3 (12). Sentjabr' – dekabr' 2006].

⁸ *Тэлботт С.* Какая Россия нужна Америке? // Независимая газета. 11 декабря 1997; *Козн С.* Провал крестового похода: США и трагедия посткоммунистической России. Пер. с англ. М.: 2001 [*Talbott S.* Kakaja Rossiya nuzhna Amerike? // Nezavisimaja gazeta. 11 dekabrja 1997; *Cohen S.* Proval krestovogo pohoda: SShA i tragedija postkommunisticheskoy Rossii. Per. s angl. М.:

2001]; *Michael McFaul*. Realistic Engagement: A New Approach to American–Russian Relations // Current History. October 2001. *Sestanovich S.* What Has Moscow Done? Rebuilding U.S.–Russian Relations // Foreign Affairs. November/December 2008 [<http://www.foreignaffairs.org/20081001/faessay87602/>]. Анализ восприятия России американскими экспертами в зависимости от характера российской политической системы см.: *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002 [*Shakleina T.A.* Rossiya i SShA v novom mirovom porjadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobwestvakh Rossii i SShA (1991–2002). М.: Institut SShA i Kanady RAN, 2002].

⁹ Литература по проблемам ядерного сдерживания огромна. Укажем только некоторые работы: *Freedman Lawrence*. Deterrence. Cambridge: Polity Press, 2004; *Morgan P.* Deterrence Now. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; *Mark Trachtenberg*. History and Strategy. Princeton: Princeton University Press, 1991. *Кокосин А.А.* Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003; Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005 [*Kokoshin A.A.* Jadernye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki). М.: Media-Press, 2003; Jadernoe sderzhivanie i neraspromtranenie / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin. М.: Moskovskij centr Karnegi, 2005].

¹⁰ Стратегическая триада – три вида носителей стратегического ядерного оружия: межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты на подводных лодках, тяжелые бомбардировщики. В окончательном виде стратегическая триада сложилась к концу 1950-х годов.

¹¹ Эту точку зрения излагали в своих памятных записках известный физик-ядерщик Н. Бор (3 июля 1944 г.) члены Военно-промышленного комитета США, курировавшие Манхэттенский проект, В. Буш и Дж. Коннан (сентябрь 1944 г.). Подробный анализ этой проблемы см.: *Веселов В.А., Лисс А.В.* Ядерное сдерживание. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 31 – 33 [*Veselov V.A., Liss A.V.* Jadernoe sderzhivanie. М.: MAKS Press, 2005. S. 31 – 33].

¹² Анализу проблем международного контроля над ЗЯТЦ автор посвятил отдельную статью: *Фененко А.В.* Проблема ядерного разоружения в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия. 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 63 – 86 [*Fenenko A.V.* Problema jaderного razoru-zhenija v mirovoj politike // Vestnik Moskovskogo universitet. Serija. 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2009. № 1. P. 63 – 86].

¹³ *Bernard Brodie*. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. (editor and contributor), Harcourt, 1946; *Albert Wohlstetter*, *Fred Hoffman*, *R. J. Lutz*, *Henry S. Rowen*. Selection and the Use of Strategic Air Bases. A report prepared for United States Air Force Project RAND, R-266. Santa Monica, CA: RAND Corporation, April 1954. (<http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R266.pdf>).

¹⁴ Здесь и далее реконструкция советской ядерной стратегии осуществлена на основе следующих работ: *Арбатов А.Г.* Безопасность: Российский выбор. М.: ЕПИцентр, 1999 [*Arbatov A.G.* Bezopasnost': Rossijskij vybor. M.: EPIcentr, 1999]; *Andrei Kokoshin* Soviet Strategic Thought, 1917 – 91. Cambridge (Mass.) – London: CSIA Studies in International Security, 1998; *Dmitriy Trenin*. The soviet conceptions of nuclear war. Weimar, 1992.

¹⁵ Подробно эта стратегическая новация проанализирована в работе: *Bernard Brodie*. Strategy in the Missile Age. Princeton: Princeton University Press, 1959.

¹⁶ A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. Washington, NSC 162/2. 30 November 1953. Federation of American scientist. Official site <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf>,

¹⁷ Подробнее см.: *Стародубов В.П.* Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 144 [*Starodubov V.P.* Superderzhavy HH veka. Strategicheskoe protivoborstvo. M.: OLMA-PRESS, 2001. P. 144].

¹⁸ Попытку анализа этой системы с новых позиций см.: *Getting MAD: Nuclear Mutual Assured Destruction, Its Origins and Practice. Its Origins and Practice*. / Ed. By Henry D. Sokolski. Strategic Studies Institute, November 2004. P. 15–50.

¹⁹ О политике США и, отчасти, СССР на этом направлении см. не устаревшую и сегодня монографию: *Арбатов А.Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984 [*Arbatov A.G.* Voenno-strategicheskij paritet i politika SShA. M.: Politizdat, 1984].

²⁰ *Henry A. Kissinger*. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York: Harper, 1957; *Herman Kahn*. On Thermonuclear War. 2nd ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961; *Thomas C. Schelling*, Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1966.

²¹ По американской терминологии они обозначались как MIRV (multiple independently targeted recyle warheads).

²² В 1974 г. их количество было сокращено до одного района: Москва у СССР и база МБР Гранд-Форкс в Северной Дакоте у США.

²³ См.: *Garthoff R.L.* Detente and Confrontation: American–Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: Brookings Institution Press, 1985.

²⁴ Эксперты полагали, что главной причиной провала ОСВ–2 было недовольство Конгрессом растущим превосходством Советского Союза в РГЧ ИН. См., например: *PatrickMorgan*. Deterrence, A Conceptual Analysis. Beverly Hills: Sage, 1985. P. 81 – 90.

²⁵ Подробный анализ возникновения этой концепции см.: *Ian Klark*. Limited Nuclear War. Oxford, 1980.

²⁶ Лучший на сегодняшний день анализ этого кризиса см.: *Scott Ritter*. Dangerous Ground. America's Failed Arms Control Policy from FDR to Obama. New York: Nation Books, 2010. P. 266 – 280.

²⁷ Анализ этой проблемы см.: *Косолапов Н.А.* Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. Т. 6. Т. 3 (18). Сентябрь – декабрь 2008 [*Kosalapov N.A.* Porogovij uroven' i verojatnost' konflikta SShA s Rossiej // Mezhdunarodnye processy. T.6. T 3 (18). Sentjabr' – dekabr' 2008].

²⁸ *Савельев А.С.* Стратегические отношения России и США // Международные жизнь. 2008. № 11. С. 33 – 45 [*Savel'ev A.S.* Strategicheskie otnoshenija Rossii i SShA // Mezhdunarodnye zhizn'. 2008. № 11. S. 33 – 45].

²⁹ James M. Goldgeier and Michael McFaul. Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia after the Cold War. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003.

³⁰ Соединенные Штаты должны были преобразовать в моноблочные 500 МБР «Минитмен-3», снять с вооружения 50 МБР МХ с РГЧ ИН и 450 МБР «Минитмен-2». Россия должна была полностью ликвидировать тяжелые МБР Р-36М, около 400 ракет УР-100, РТ-2П и МР-УР-100, а также преобразовать в моноблочные МБР УР-100 Н.

³¹ Наиболее известным из них стал проект ТНААД (Theater High Altitude Area Defense).

³² *Тэлботт С.* Бил и Борис. Записки о президентской дипломатии. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Городе», 2003. С. 442 – 467 [*Talbott S.* Bil i Boris. Zapiski o prezidentskoj diplomatii. Per. s angl. M.: Izdatel'skij dom «Gorode», 2003. P. 442–467].

³³ Б.Н. Ельцин заявил: «Билл Клинтон вчера позволил себе надавить на Россию. Он, видимо, на секунду, на минуту, на полминуты забыл, что такое Россия, что Россия владеет полным арсеналом ядерного оружия, и поэтому решил поиграть мускулами». См.: *Горностаев Д.* Ельцин напомнил Клинтону и миру – Россия остается ядерной державой // Независимая газета. 10 декабря 1999 [*Gornostaev D.* El'cin napomnil Klintonu i

miru – Rossija ostaetsja jadernoj derzhavoj // Nezavisimaja gazeta. 10 dekabnja 1999).

³⁴ Nuclear Posture Review Report. January 2002 (<http://www.globalsecurity.org>).

³⁵ President Announces Progress in Missile Defense Capabilities (<http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/12/20021217.html>).

³⁶ Подробный анализ противоракетных планов США см.: *Есин В.И.* Проблема ПРО в глобальной политике // Международные процессы. Т. 7. № 2 (20). Май – август 2009 [*Есин В.И.* Problema PRO v global'noj politike // Mezhdunarodnye processy. Т. 7. № 2 (20). Maj – avgust 2009].

³⁷ Ежегодник СИПРИ–2008. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 427–436 [*Ezhegodnik SIPRI–2008. Vooruzhenija, razoruzhenie i mezhdunarodnaja bezopasnost'*. Per. s angl. M.: IMEMO RAN, 2009. P. 427 – 436].

³⁸ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington D.C., 2010.

³⁹ Remarks by President Barack Obama. Prague, Czech Republic. 5 April 2009 (http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-By-President-Barack-Obama-In-Prague-As-Delivered).

⁴⁰ См.: *David Cortright, Raimo Vayrynen.* Towards Nuclear Zero. London: International Institute for Strategic Studies – Arundel House, 2010. P. 148–150.

⁴¹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 // Российская газета. 10 февраля 2010 [The Military Strategy of Russian Federation // Rossiiskaya gazeta, February 10, 2010].

⁴² Подробнее о ратификации СНВ–3 см.: *Рябков С.* Россия и Америка: вопросы СНВ–3, ПРО, афганского наркотрафика и не только... // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 2 – 13.

⁴³ *John Robles and Elena Krylova.* Sergei Lavrov gives his summary of 2010. Jan 14, 2011 10:02 Moscow Time (http://english.ruvr.ru/radio_broadcast/25369469/39969111.html)

⁴⁴ См.: WikiLeaks cables: US agrees to tell Russia Britain's nuclear secrets // The Telegraph. 4 February 2011. (<http://www.telegraph.co.uk>).

⁴⁵ См.: *Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К., Пикаев А.А.* Отношения России и НАТО (Перспективы новой архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ). М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 30 – 42 [*Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobivcev S.K., Pikaev A.A.* Otnoshenija Rossii i NATO. M.: IMEMO RAN, 2010. P. 30–42].

⁴⁶ Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Washington D.C., 2010. P. X – XI.

⁴⁷ Анализ этих проблем см. *Micah Zenko.* Toward Deeper Reductions in U.S. and Russian Nuclear Weapons. Council on Foreign Relations. Special Report No 57. November 2010.

⁴⁸ Проект Договора о европейской безопасности. 29 ноября 2009 [European Security Treaty Draft] (<http://kremlin.ru/news/6152>)

⁴⁹ Стенограмма выступления и ответов Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на вопросы СМИ в ходе пресс-конференции в связи с предстоящим подписанием Договора между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Москва, 6 апреля 2010 года (<http://www.mid.ru>).

⁵⁰ *Лавров С.В.* Новый договор СНВ в матрице глобальной безопасности // Международная жизнь. 2010. № 7 [*Lavrov S.V.* Novyj dogovor SNV v matrice global'noj bezopasnosti // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2010. № 7].

⁵¹ Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о стратегической стабильности. Вашингтон. 24 июня 2010 [Joint Statement by Presidents of Russia and the United States of America] (<http://www.kremlin.ru>)

⁵² *Гетемюллер Р., Тренин Д.* Новый Договор СНВ: что дальше? Цели дальнейшего сотрудничества в сфере контроля над вооружениями и безопасности. Московский центр Карнеги, 25 июня 2010 (<http://www.carnegie.ru>). Анализ переговоров по ПРО 2010 г. см. в нашей статье: *Богатуров А.Д., Фененко А.В.* Посткризисные тренды в мировой политике // Свободная мысль. 2011. № 2. С. 119 – 134 [*Getemjuller R., Trenin D.* Novyj Dogovor SNV: chto dal'she? Celi dal'nejshego sotrudnichestva v sfere kontrolja nad vooruzhenijami i bezopasnosti. Moskovskij centr Karnegi, 25 ijunja 2010 (<http://www.carnegie.ru>); *Bogaturov A.D., Fenenko A.V.* Postkrisisnye trendy v mirovoj politike // Svobodnaja mysl'. 2011. № 2. P. 119 – 134].

⁵³ Совместное заявление Совета Россия–НАТО. 20 ноября 2010 года [Joint Statement by Russia–NATO Council. 20.11.2010] (<http://www.kremlin.ru>).

⁵⁴ Перспективы трансформации ядерного сдерживания / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2011 [Perspektivy transformacii jadernogo sderzhivanija / Ed. by A. Arbatov, V. Dvorkin, S. Oznobishev. M.: IMEMO RAN, 2011].